

КАМИНСКИЙ Флавий Аркадьевич

**КАЗАЧЕСТВО
ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX в. – СЕРЕДИНЕ 20-х гг. XX в.
(социально-экономический аспект)**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Челябинск 2010

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В конце XX в. в российском обществе под влиянием произошедших перемен усилился интерес к прошлому, к некогда «закрытым темам» отечественной истории. Уход с политической арены КПСС, монопольно владевшей правом на интерпретацию политических событий, облегчил доступ к ранее закрытым для исследования историками документам, а плюрализм мнений расширил возможность объективного анализа отечественной истории как в период с 1917 г., так и до него, в том числе и по проблемам, связанным с историей казачества.

Историческое прошлое этого военного сословия, сыгравшего заметную роль в истории Российского государства, в годы Советской власти незаслуженно замалчивалось или искажалось.

С начала 90-х гг. историки стали проявлять заметный интерес к ранее полузапретной теме. От огульного обвинения казачества в том, что они были пособниками царизма, отдельные исследователи перешли к его восхвалению и идеализации, впадая в очередную крайность.

Следует отметить, что последнее направление больше было характерным для первой половины 90-х гг. Со второй половины последнего десятилетия XX в. появляется немало работ, в которых проявляется более взвешенный подход к проблемам, требующим для себя тщательного анализа.

В пришедшем в движение обществе стали появляться многочисленные организации и объединения, называющие себя казачьими, и ставящими своей целью возрождение казачества в качестве надежного защитника Отечества. В отдельных случаях раздавались призывы к воссозданию казачьих общин и даже, как в былые времена, привилегированного казачьего сословия.

Тема на какое-то время оказалась довольно популярной. Обилие появившихся исторических публикаций породило множественность оценок и подходов. Увлечение боевым прошлым казачества и участием казаков на стороне противоборствующих армий в годы Гражданской войны привело к тому, что темы хозяйственной жизни, особенностей казачьей сельской общины оказались малоисследованными, что и предопределило выбор исследования.

Во многих публикациях, особенно у дореволюционных авторов, казачье население подается как единый, спаянный коллектив, как корпоративное сообщество, не имеющее существенных внутренних противоречий, что, по мнению этих авторов, обеспечивало постоянную высокую боеготовность.

В публикациях советского периода факты расслоения казачества, имущественной и социальной дифференциации затушевывались, а естественная гибель казачьего сословия подавалась как следствие целенаправленной антиказачьей политики советской власти.

У советских властей действительно были основания не доверять казакам, которые в известной степени поддержали белое движение в Гражданской войне, но репрессии против тех, кто не разделял политических инициатив и действий новой власти, не были единственной причиной исчезновения казачества, как грозной и внушительной военной организации.

Изучение опубликованных работ по истории казачества показывает, что если в дореволюционный период хозяйственные аспекты жизни казачьего сословия привлекали в основном внимание войсковых администраций, агрономов, а также экономистов и этнографов, то период после Гражданской войны, период Новой экономической политики на казачьих территориях остались недостаточно освещенными, ибо многие исследователи посчитали, что после отмены сословного деления общества, казачество, как и другие сословия, просто перестало существовать. Но декретами и постановлениями уничтожить этот специфически сложившийся и обособленный слой общества невозможно. Вопреки всему он продолжал существовать, сохраняя себя в привычном образе жизни, традициях и культуре.

Актуальность исследования обусловлена не только повышенным вниманием к популярной теме. Специфика казачьего хозяйства, роль общины в жизни казачьего сословия и проблемы ее трансформации в годы Советской власти до сих пор не получили освещения в специальных работах предшественников, не говоря уже о том, что в контексте разговора о возрождении казачества, даже ставился вопрос о возвращении нынешним потомкам казаков утраченных земель с целью воссоздания на них общинного хозяйства. В силу этих причин необходимость изучения истории последних лет существования традиционной казачьей общины и происходивших в ней процессов становится очевидной.

Многие вопросы, связанные в первую очередь с взаимоотношениями казачества и Советской власти, причинами и масштабами репрессий против казачества, не входящие в рамки данного исследования, еще ждут своей объективной и компетентной оценки.

Историография вопроса. Описывать казачьи территории юго-восточной части России начали еще в середине XVIII в. и в этой связи надо упомянуть имя П. И. Рычкова, оставившего после себя подробное описание климатическо-географических особенностей степного Оренбургского края, где компактно проживало казачье население¹.

Впоследствии интерес к казачьим территориям ослабевает и лишь во второй половине XIX в. мы встречаем ряд исследований, которые помогают нам воссоздать картину тогдашней жизни казачьего войска и казачьего населения. Это, в первую очередь, работы Р. Г. Игнатьева, В. Н. Витевского, М. И. Хорошихина, Ф. М. Старикова².

Ряд авторов второй половины XIX в. детально описывали хозяйственные отношения и другие аспекты экономической жизни казачества. В Сибирском казачьем войске таким автором был генерал-майор Г. Е. Катанаев, а среди оренбуржцев надо выделить кроме уже упомянутых М. И. Хорошихина и Ф. М. Старикова, имена Н. И. Бородина, П. И. Агеева, А. И. Кривошекова.

Одним из наиболее полных обобщающих трудов того времени является

¹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб, 1762.

² Игнатьев Р. Г. Взгляд на историю Оренбургского края // Оренбургские губернские ведомости. 1881. № 29; Хорошихин М. И. Казачьи войска. СПб, 1881; Витевский В. Н. Иван Иванович Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. В 2-х т. Казань, 1897; Стариков Ф. М. Историко-статистический очерк ОКВ с приложением статьи о быте оренбургских казаков и карты. Оренбург, 1890.

работа М. И. Хорошихина «Казачьи войска», посвященная Оренбургскому казачьему войску, и исследование Ф. М. Старикова. Время написания этих работ с развернувшейся в России дискуссией о необходимости самого существования казачьих войск в связи с проведением милютинской военной реформы, предполагавшей введение всеобщей воинской повинности для мужчин. Раздавались призывы к ликвидации казачьих привилегий и уравниванию казаков с остальным населением как в правах и налоговом отношении, так и в прохождении воинской службы. Работы М. И. Хорошихина и бывшего Атамана 2-го военного отдела Оренбургского войска генерал-майора Ф. М. Старикова и других авторов должны были доказать, что имеющее славную и трудную историю казачество жизнеспособно и необходимость в нем, как в военной силе, не исчезла.

Несколько интересных работ по казачеству написал С. Н. Севастьянов. В частности, он неоднократно возвращался к истории создания войска¹, сделал достоянием гласности имена отдельных отличившихся офицеров войска². Надо отметить, что С. Н. Севастьянов поднял одним из первых тему школьного образования казачьего населения, устройства школ и положения учителей в своем очерке «Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895 гг.»³.

Надо отдать должное дореволюционным историкам и описателям казачьих территорий в их добросовестности и старательности. Но в то же время для вышеназванных работ была больше характерна описательность, статичность изложения материала, чем разносторонний анализ процессов и изменений, неизбежно происходивших в казачьих поселениях в тот период.

Эти черты, присущие большинству авторов дореволюционного времени, мы видим в публикациях полковника Н. И. Бородина, посвященных земельным и хозяйственным вопросам в казачьих районах. Описывая общее экономическое положение и состояние сельского хозяйства в войске, он констатирует имущественное расслоение в станицах, но не объясняет его причин и не прогнозирует возможные последствия этого расслоения и дальнейший рост социальной дифференциации⁴.

Серьезный анализ истории и современного ему состояния землеустройства казачьих войск подготовил Н. А. Чернощекоев в специальном разделе юбилейного издания к столетию военного министерства. В своем труде «Землеустройство казачьих войск. Исторический очерк»⁵ автор подробно описывает по периодам историю земельных отношений на казачьих территориях, подчеркивая, что в Сибирском и Оренбургском казачьих войсках были всегда более крупные наделы, чем, к примеру, у Донского войска.

В Западной Сибири казачьего населения проживало меньше, чем в Орен-

¹ Севастьянов С. Н. История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати (по материалам архива) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1899. Вып. 5.

² Севастьянов С. Н. Григорий Федорович Генс // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. 19.

³ Севастьянов С. Н. Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895. Оренбург, 1896.

⁴ Бородин Н. И. Очерк общинного ведения хозяйства уральских казаков // Северный вестник. 1890. № 2–5.

⁵ Чернощекоев Н. А. Землеустройство казачьих войск // Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. СПб, 1906.

буржье, и до революции специально посвященных казачьему хозяйству работ было немного. Можно отметить в этой связи работы Г. Е. Катанаева и Н. Г. Овчинникова. Живший в конце XIX – начале XX в. Г. Е. Катанаев имел звание генерал-майора и отвечал за состояние хозяйственных дел в Сибирском казачьем войске. Такие его труды, как «Офицерство и рядовое казачество наше. К вопросу о землеустройстве в Сибирском казачьем войске»¹, изданному в Омске в 1918 г. и ранее вышедшая работа «Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске» дают обширный материал по истории земельных отношений на войсковой территории, в частности, вопросы, связанные с расселением сибирских казаков на землях, принадлежавших казахским кочевым родам (киргизкайсакам), показывают сложность взаимоотношений казаков с коренным населением. Работы Г. Е. Катанаева используются и сегодня историками, изучающими прошлое сибирских казаков.

Довольно обширный материал по хозяйственной жизни войска собран в исследовании Ученого Агронома Сибирского казачьего войска Н. Г. Овчинникова «Очерки хозяйства казаков Сибирского войска»². Автор детально разбирая состояние хозяйства сибирских казаков, обращает внимание высшего руководства войска на ряд недостатков, порожденных общинной формой ведения хозяйства: залежь, сорность, отсутствие массового применения пара, чересполосицу и дальнотемелье, «отсталые технические приемы земледелия». В то же время, для Н. Г. Овчинникова, как и для других казачьих исследователей, характерно непонимание первопричин такого положения в сельском хозяйстве. Он видит их в лености, невежестве казаков, их известной изолированности от довольно опытного в земледелии переселенческого крестьянского населения. Активный сторонник казачества, Н. Г. Овчинников призывает правительство поддержать и упрочить казачью общину, ибо без нее, как считает Ученый Агроном Сибирского казачьего войска, «казачество прекратит свое существование».

В контексте разговора о работах, вышедших в дореволюционный период, следует обратить внимание на этнографический очерк Д. К. Зеленина «У оренбургских казаков»³, вышедший в 1906 г. Автор, впоследствии выдающийся советский этнограф, член-корреспондент АН СССР, проживший с исследовательской целью свыше полугода в одном из казачьих поселков 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска, дает подробное описание быта, хозяйственных занятий и традиций казачьего населения. Причем, если для официальных историков оренбургского казачества, нами уже упомянутых, характерными являются попытки выделять позитивные стороны жизни войскового населения и его славной боевой истории, то для Д. К. Зеленина, исследователя компетентного и беспристрастного, присуще критическое отношение к казачеству в целом. Д. К. Зеленин ставит под сомнение высокую образованность казаков, их религиозность, очень невысокого мнения об их хозяйственности, уровне нрав-

¹ Катанаев Г. Е. Офицерство и рядовое казачество наше. К вопросу о землеустройстве в Сибирском казачьем войске. Омск, 1918.

² Овчинников Н. Г. Очерки хозяйства казаков Сибирского войска. Омск, 1916.

³ Зеленин Д. К. У оренбургских казаков. СПб, 1906.

ственности.

Работы, появившиеся в начале века и принадлежащие перу казачьих исследователей, охватывали различные стороны функционирования казачьего общества. Среди них можно выделить очерк Д. Е. Серова «Оренбургский казак, его экономическое положение и служба. (Очерк современного быта оренбургских казаков)»¹ и просветительские публикации А. И. Кривошекова².

Интересной представляется работа бывшего члена 1-й Государственной Думы казака пос. Спасский Верхнеуральского уезда Оренбургской губ. Т. И. Седельникова «Борьба за землю в Киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства)»³. Анализируя состояние земельного вопроса в степных районах Южного Урала, Западной Сибири и Северного Казахстана, автор предупреждает, что интенсивная и несправедливая по сути колонизация приведет к спорам и недовольству, ибо она проводится в ущерб привычному кочевому образу жизни местного населения.

Свой популяризатор казачества был и у сибиряков. В 1913 г. выходит в Омске книга А. П. Тарыкина «Казачьи войска. Популярный очерк для казачьих школ, строевых казачьих частей и войскового населения»⁴. В ней автор подробно останавливается на истории создания Сибирского войска, участия сибирских казаков в боях, описывает хозяйственную деятельность и быт казачьего населения. Книга была популярна в начале века в среде сибирского казачества и использовалась в качестве учебного пособия в начальном звене школьного обучения.

В целом же, труды дореволюционных авторов являлись по сути больше описательными, чем исследовательскими и носили просветительский или политический характер.

В 20-е гг. XX в. казачья тема престаёт быть популярной в силу настороженного отношения советских властей к казачеству, как к «контрреволюционному» сословию, которое в годы Гражданской войны поддержало в большинстве белогвардейцев. История казачества подвергалась умолчанию, а немногие работы касались в основном хозяйственных аспектов жизни населения бывших казачьих войск.

В 1922 г. в Омске вышла публикация А. Митрофанова «Самодеятельность крестьянства в сельхозкампании (о селькомах)»⁵. Делая акцент на неразвитости сельского хозяйства на казачьих территориях, на общее снижение производительности и мощностей казачьих хозяйств, автор призывает селькомы (сельсоветы) к активной работе по искоренению недостатков. А. Митрофанов справедливо обращал внимание на факты преследования зажиточных слоев, обвинение их в «кулачестве», хотя сам термин до революции обозначал эксплуататоров и

¹ Серов Д. Е. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба. (Очерк современного быта оренбургских казаков). Оренбург, 1900.

² Кривошеков А. И. Краткий очерк заселения и развития края // Вестник Оренбургского учебного отдела. Оренбург, 1912. № 2–3.

³ Седельников Т. Борьба за землю в Киргизской степи (киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства) СПб, 1907.

⁴ Тарыкин П. П. Казачьи войска. Популярный очерк для казачьих школ, строевых казачьих частей и войскового населения. Омск, 1913.

⁵ Митрофанов А. Самодеятельность крестьянства в сельхозкампании (о селькомах). Омск, 1922.

торговцев – посредников, сколачивавших капиталы на нетрудовых, с точки зрения станичников, доходах и не распространялся на тружеников-земледельцев. Автор сетовал на то, что беднота, имеющая невысокий уровень представлений об управлении и хозяйствовании, доминирует в селкомах, отчего в целом проигрывают все. Указывая на запущенность земледелия, он агитировал за развитие кустарных промыслов и промысловой кооперации, расширение местного товарного оборота произведений кустарного промысла и сельского хозяйства на казачьих территориях.

В Оренбурге в 1928 г. вышла работа А. Ф. Рязанова «Оренбургский край. Исторический очерк»¹, в котором автор не увидел расслоения казачьего общества до революции и посчитал, что революция 1905 г. и вызванные ею реформы в сельском хозяйстве дали мощный толчок к обогащению казачьих хозяйств и казачьего общества в целом, по сравнению с предыдущим периодом.

Темы истории и хозяйственного быта оренбургских казаков затронуты в исследовании Н. Ф. Евсеева «О прошлом и настоящем оренбургских казаков»², вышедшей в 1929 г. в Самаре. Автор в повествовательной манере рассказывал о происхождении оренбургских казаков, их прошлом и об участии определенной части оренбургского казачества на стороне Советской власти в годы Гражданской войны. Говоря о социальной дифференциации в казачьей среде, произошедшей в первой четверти XX в., Н. Ф. Евсеев справедливо сделал вывод о том, что расслоение общества «погубило основу казачьего сословия».

С середины 20-х гг. появился ряд публикаций местных исследователей, в которых дается анализ происходящих изменений в сельском хозяйстве на бывших казачьих территориях.

На Урале среди специалистов, занимавшихся проблемами сельского хозяйства (а казачье сословие было в основном земледельческим), следует выделить таких авторов как Н. А. Войтов, Н. И. Ишмаев, Ф. И. Казанский. Н. А. Войтов в своей статье «Пути развития коллективного земледелия на Урале», опубликованной в журнале «Хозяйство Урала»³, много места уделял анализу возникновения и функционирования первых сельских коллективных хозяйств в уральском регионе. Давая характеристику этим первым производственным кооперативным объединениям на основе обобществленных средств производства и общественного труда, автор объективно говорил о слабости и дотационности колхозов и совхозов, где сосредоточились, главным образом, бедные, слабомощные хозяйства, спасавшиеся в сельхозартелях от голода и разорения. Вывод Н. А. Войтова был однозначен: в сложившейся к 1926 г. ситуации коллективные трудовые объединения были немощны и перспектив своего развития, без изменения к ним отношения со стороны Советского правительства, не имеют.

Социальной дифференциации в среде сельских тружеников в результате действия товарно-денежных отношений, утвердившихся в обществе в годы новой экономической политики в уральском крае, посвятил ряд статей

¹ Рязанов А. Ф. Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург, 1928.

² Евсеев Н. Ф. О прошлом и настоящем оренбургских казаков. Самара, 1929.

³ Войтов Н. А. Пути развития коллективного земледелия на Урале // Хозяйство Урала. 1927. № 5.

Н. И. Ишмаев¹, который разработал схему, дающую возможность группировать хозяйства по классовым типам, на основании натуральных (имущественных) признаков. Его теория явилась серьезным достижением аграрной науки 20-х гг. Но, исходя из официально провозглашенных идеологических установок, Н. И. Ишмаев завышал процент середняцких хозяйств на Урале до 60% и снижает процент бедняков до 18,6% за счет манипулирования критериями показателей имущественного, а следовательно, и социального расслоения в деревне. В то время необходимо было показать, что деревня в результате Новой экономической политики оправилась (осереднячилась), а в колхозы направляется не бедняцкая, а середняцкая масса. Выполняя социальный заказ, он повсеместно причислял зажиточные хозяйства к кулацким. Н. И. Ишмаев сделал вывод: необходим ускоренный переход к социалистическим формам хозяйствования с целью ликвидации эксплуатации и уничтожения кулачества как класса. Это искусственное заострение внимания на данном аспекте жизни тогдашнего села было фактически заказом партии, считавшей раскулачивание одной из своих побед на пути построения социалистического общества.

Среди работ, посвященных состоянию сельского хозяйства в районах с казачьим населением, надо выделить публикации научного консультанта журнала «Хозяйство Урала» Ф. И. Казанского, который детально исследовал хозяйства Южного Урала, их оснащенность орудиями труда и сельхозинвентарем, источники дохода отдельных дворов. В своих статьях² он, в частности, всесторонне рассматривал динамику развития хозяйств, социальную и имущественную дифференциацию среди крестьянского и казачьего населения середины 20-х гг. На основании сделанных выводов автор утверждал, что спасение от разорения для большинства сельских производителей наступит только при коллективном ведении хозяйства.

Значительный интерес для исследователей представляет вышедшая в 1930 г. книга М. Д. Голубых «Казачья деревня»³. Приводя в сравнении экономические показатели казачьих дворов Тимофеевского пос. Еткульской станицы с 1916 по 1926 гг., он указывал на необходимость изменений в казачьем хозяйстве, ибо экстенсивность в земледелии сдерживает возможности прогрессивного развития казачьих хозяйств.

После отмены Новой экономической политики интерес местных исследователей к теме значительно снизился и заметные работы появились только с 60-х гг. В основном в них отражался восстановительный период народного хозяйства с 1921 по 1925 гг., ибо негласный запрет на объективное изучение подлинной истории казачества сохранялся по-прежнему.

Говоря о трудах оренбургских ученых, следует обратить внимание на публикации Л. А. Селивановской⁴. Она предприняла анализ переселенческого потока в Оренбургскую губ. в конце XIX – начале XX вв. и возникавших в про-

¹ Ишмаев Н. И. О классовом расслоении уральской деревни // Уральский коммунист. 1927. № 28–29.

² Казанский Ф. И. На аграрном фронте // Хозяйство Урала. 1926. № 5; Доходность крестьянского хозяйства по социальным типам // Хозяйство Урала. 1927. № 10–11.

³ Голубых М. Д. Казачья деревня. М.-Л., 1930.

⁴ Селивановская Л. А. О степени расслоения оренбургского казачества в пореформенный период // Мат-лы и тезисы докл. XV науч.-практ. конфер. Оренбург, 1967.

цессе переселения проблем. Подводя итог, Л. А. Селивановская на основе статистических данных сделала вывод о более высоком уровне жизни оренбургских казаков по сравнению с крестьянством центральных черноземных губерний России.

Земельным вопросам и связанным с ними взаимоотношениям посвящена книга Л. М. Горюшкина «Аграрные отношения в Сибири в период империализма»¹. В ней автор придерживается традиционных воззрений на развитие сельского хозяйства в России, делает попытку анализа последствий столыпинских аграрных реформ в Сибири перед революцией.

Ту же самую тему развивала в своих работах А. И. Долгих², исследовавшая проблемы социальной дифференциации и хозяйственные вопросы сибирских казаков накануне 1917 г. Работа содержит традиционные для историков 60-х гг. выводы и суждения, но несомненна заслуга автора в изучении казачьих хозяйств Сибири, одной из первых обратившей внимание на необходимость исследования ранее непоощряемой темы.

Тема возникновения и становления казачьей общины с ее структурой и специфичным типом ведения хозяйства, не являлась предметом самостоятельного исследования как у дореволюционных авторов, так и у современных исследователей. Характеристику состояния сельского хозяйства в общине и отдельных сторон внутриобщинных отношений можно встретить лишь у уральских исследователей Г. В. Пожидаевой и М. Д. Машина.

Хронологически многие исследователи останавливаются на 1917 г., считая, что далее казачья община автоматически теряет свою функциональность и распадается. В работах упомянутых авторов нет анализа общинных отношений, не выделены присущие общине характеристики, ибо сама община не являлась для них предметом исследования. Оба автора приходят к мысли, что общинная форма землепользования не удовлетворяла потребностям развивавшегося рынка. Г. В. Пожидаева³ обратила внимание на низкую урожайность зерновых в казачьих районах и даже выделила факт сокращения посевных площадей в неурожайные годы в начале века, связывая это с консервативным способом ведения хозяйства.

М. Д. Машин в своих работах выделил процесс отчуждения общинных земель до революции 1917 г., как признак начала распада общины, дал характеристику экономической и социальной дифференциации казачества в дореволюционный период. В вводной части своей монографии «Оренбургское и уральское казачество в годы Гражданской войны»⁴ автор делает попытку доказать, что с разрушением общины снижался экономический потенциал отдельных дворов, а в целом, под воздействием капитализма, наблюдалась тенденция к деградации и обеднению казачьих дворов. Анализируя степень социального расслоения среди казачьего населения, автор на основе своих подсчетов, явно от-

¹ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири в период империализма. Новосибирск, 1976.

² Долгих А. И. Состояние хозяйства и классовое расслоение сибирского казачества в конце XIX – начала XX в. // Труды омской высшей школы милиции. Омск, 1970.

³ Пожидаева Г. В. Разложение казачьей общины накануне 1917 года // Вопросы аграрной истории Урала и Сибири. Курган, 1971.

⁴ Машин М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984.

давая дань официально принятой линии, вывел, на наш взгляд, необоснованно высокий процент бедняцких хозяйств в казачьих районах – до 82,5% в степной зоне и до 41% в лесной и лесостепной зонах.

М. Д. Машин дал анализ социально-экономической ситуации на казачьих территориях накануне Гражданской войны, рассмотрел причины разделения вчерашних родственников на «белых» и «красных». Написанная в соответствии с духом и установками того времени, работа отражает в основном деятельность партийных и советских структур по организации красных казачьих отрядов. Автор старался избегать контрастных оценок противоборствующих сторон, чувствуется его уважительное отношение к казачеству в целом.

Совсем другой точки зрения на уровень благосостояния казачьих дворов придерживается оренбургский ученый Л. И. Футорянский, который считает, что несмотря на известный консерватизм в приемах земледелия и общинного ведения хозяйства, приводящий к невысокой продуктивности с засеянной десятины хлебов, в целом многоземельное казачество имело более высокий уровень потребления, чем крестьянство. Л. И. Футорянский подчеркивает, что неразвитость казачьего хозяйства являлась тормозом на пути развития сельского хозяйства в казачьих областях, что казачье хозяйство было по своей сути консервативным, как и сама система отношений внутри казачьей общины.

В качестве критериев мощности казачьего двора Л. И. Футорянский использует данные по посеву, что является неполной характеристикой потенциальных возможностей и продуктивности сельского двора, ибо не учитывается такой важный показатель, как обеспеченность хозяйства рабочим скотом, в первую очередь рабочими лошадьми.

В начале 70-х гг. казачья тема по сути была мало исследована, поэтому труды Л. И. Футорянского¹ привлекли внимание историков. Автор проводит детальный анализ социальной дифференциации казачьего населения, делает вывод о более медленных темпах хозяйственного расслоения казачьих дворов по отношению к крестьянским и объясняет причины этому.

В работах исследователей, изучавших социально-экономическое положение казачества, традиционно рассматривается период до революции 1917 г. или, по крайней мере, до окончания Гражданской войны. Это дает возможность проследить экономическое состояние казачьих поселений, имущественную и социальную дифференциацию в казачьей среде накануне новой экономической политики.

С начала 60-х гг. появляется интерес у местных исследователей и к Новой экономической политике. В основном в их работах отражался восстановительный период с 1921 по 1925 гг. Авторы касались общих тенденций в развитии крестьянских хозяйств, характерных для страны в целом, социальной дифференциации среди сельского населения, давали оценку деятельности советских и партийных органов, направленной на становление и укрепление сельского хозяйства, развитию кооперативного движения и форм коллективного ведения хо-

¹ Футорянский Л. И. Казачество в системе экономических отношений предреволюционной России. Свердловск, 1972; Предпринимательские хозяйства в ОКВ в конце XIX в. – начала XX в. // Оренбургское казачество в XVI–XX вв. Оренбург, 1992; и др.

зяйства, классовой борьбы в деревне.

В большинстве вышедших публикаций специфика казачьего образа жизни не рассматривалась. Казачество в них не отделялось от крестьянской массы.

Большое внимание восстановительному периоду 1921–1925 гг. уделили советские исследователи Западной Сибири. О продотрядах в Омской губ. пишет Т. И. Галкина¹. Теме становления советских низовых органов посвящает свою публикацию А. В. Гагарин². Уже упомянутый Л. М. Горюшкин рассмотрел проблемы, связанные с земельным переустройством в Сибири в первые месяцы Советской власти³. Автор обратил внимание на факт изъятия казачьих запасных земель в пользу местного крестьянства и переселенцев, что не могло не вызвать сопротивления со стороны казачества и, в какой-то степени, обусловило массовый переход сибирского казачества на сторону Колчака.

Наиболее основательной работой, посвященной состоянию западносибирской деревни до начала коллективизации, является труд А. К. Касьяна «Социально-экономическое развитие Юго-Западной Сибири в доколхозный период (дек. 1919–1928 гг.)»⁴. Исследование отличается добросовестностью, насыщено данными архивных материалов, документами того времени, обильным цифровым материалом. В частности, автор много времени уделяет созданию и функционированию в Сибири первых трудовых коллективных объединений. Отдельно А. К. Касьян рассматривает вопрос возрождения сибирской кооперации, в первую очередь традиционного для региона маслоделия. Он анализирует состояние потребительской, кредитной и промысловой кооперации и приходит к выводу, что благодаря именно кооперативным объединениям сельское хозяйство Сибири не только поднялось на ноги, но и достигло известных успехов.

Тема перехода западносибирской деревни к НЭПу развивается в публикациях Т. А. Корягина⁵, который считает, что сибирское крестьянство, ранее жившее довольно стабильно и зажиточно, приветствовало восстановление рыночных структур и товарно-денежных отношений на селе и поначалу, пока не почувствовало налоговый пресс и двойственность политики Советской власти по отношению к середняку, активно втянулось в многосторонний процесс возрождения сибирского села.

Вопросам государственного и партийного строительства в среде сибирского казачества посвятил свои работы Н. А. Хвостов⁶. Говоря о деятельности продовольственных отрядов на территории казачьих войск, он не анализирует их действия и не дает оценку методам изъятия хлеба. Данная осторожность еще раз подчеркивает тезис о том, что в закрытом обществе исторические исследования не могут быть свободным от идеологического контроля и спущенных

¹ Галкина Т. И. Продотряды Омской губернии в борьбе за хлеб в 1920–1921 гг. // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Омск, 1965.

² Гагарин А. В. Перевыборы Советов в Западной Сибири в 1925–1926 гг. // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1964.

³ Горюшкин Л. М. Претворение в жизнь «декрета о земле» в Сибири. Новосибирск, 1972.

⁴ Касьян А. К. Социально-экономическое развитие Юго-Западной Сибири в доколхозный период (дек. 1919–1928). Омск, 1976.

⁵ Корягин Т. А. Об особенностях перехода Сибири к НЭПу // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967.

⁶ Хвостов Н. А. Государственное и партийное строительство среди сибирского казачества после разгрома Колчака // Вопросы социально-классовых отношений в социалистическом обществе. Омск, 1974.

сверху установок, определяющих как глубину, так и тематику и методологию исследований.

Несколько иной характер среди массы работ, посвященных сельскому хозяйству и его проблемам в 20-е гг., носили труды екатеринбургских ученых. Среди них можно выделить Р. П. Толмачеву¹, В. П. Гурова², Р. В. Кондратьеву³, Н. В. Ефременкова⁴ и др. Они предпринимали попытки объективного анализа происходящих изменений, старались избавляться от сложившихся стереотипов во взглядах на новую экономическую политику в сельском хозяйстве, хотя влияние господствующей идеологии заметно ощущается в их публикациях.

Процесс становления и укрепления сельских партийных организаций отражен в публикациях В. М. Куликова⁵ и Л. П. Сашенковой⁶. Отдельные стороны процесса кооперации крестьянства Урала в первые годы Новой экономической политики затронуты в совместной книге Н. В. Метельского, Р. П. Толмачевой и В. А. Усова «Кооперативное движение на Урале в условиях НЭПа»⁷. С учетом начавшейся переоценки истории советского периода авторы попытались по-новому взглянуть на период восстановления народного хозяйства в середине 20-х гг. Они заострили внимание на негативных сторонах момента, как, например, открытое вмешательство государства в естественный процесс втягивания кооперативных объединений в рынок, давление со стороны советских органов на частного торговца, вытеснение зажиточных хозяев из созданных кооперативов.

Подводя итог, надо отметить, что интерес к теме Новой экономической политики в 60–70-е гг. не был случайным. В экономике страны накапливались негативные тенденции и поиск новых путей развития стал насущной проблемой. Поэтому столь пристальному вниманию подвергался опыт советских реформ начала 20-х гг., с помощью которых удалось не только вытащить страну из пропасти, но и придать известную динамику развитию народного хозяйства страны.

С конца 80-х, а в основном в начале 90-х гг., выходят работы, претендующие на довольно обстоятельный охват исторического прошлого казачьих войск или отдельных этапов в их становлении и развитии. Надо отметить, что большая часть вышедших в этот период работ была посвящена участию казаков в войнах⁸.

¹ Толмачева Р. П. Социальная дифференциация уральского крестьянства в восстановительный период // Вопросы истории Урала. Сб. Свердловск, 1965.

² Гуров В. П. К вопросу о политических настроениях уральского крестьянства накануне перехода к НЭПу // Из истории социалистического строительства на Урале. Сб. Свердловск, 1975.

³ Кондратьева Р. В. Сельскохозяйственное кооперирование крестьянства на Урале в первый год НЭПа // КПСС и некоторые вопросы сельского хозяйства. Сб. Свердловск, 1975.

⁴ Ефременков Н. В. Социально-экономические отношения (коллективизации // Вопросы истории Урала. Сб. Свердловск, 1963.

⁵ Куликов В. М. Укрепление экономической смычки с крестьянством на Урале в 1926–1927 гг. // Вопросы истории Урала. Сб. Свердловск, 1961.

⁶ Сашенкова Л. П. Кооперативное строительство на Урале в конце восстановительного периода 1924–1925 гг. // Изменение социальной структуры советского общества с 1921 по сер 1930-х гг. М., 1965.

⁷ Метельский Н. В., Толмачева Р. П., Усов В. А. Кооперативное движение на Урале в условиях НЭПа. Свердловск, 1989.

⁸ Войнов В. М. История войска оренбургского. Оренбург, 1992.

В целом, в начале 90-х гг., исследователи стремились к воссозданию исторической хронологии казачьих войск, последовательно описывали этапы развития и становления казачества в дореволюционный и последующие периоды. Одна из таких попыток была предпринята авторским коллективом челябинских и оренбургских ученых в учебном пособии для казачьих воскресных школ «История казачества Урала»¹. Эту работу не следует рассматривать в качестве обобщающего научного исследования, ибо его авторы определили свою цель как просветительскую. В то же время, налицо явная перегруженность книги информацией и одновременно «белые места», в частности, по периоду 20-х гг. материала практически нет.

Для первой половины 90-х гг. характерны попытки создания универсальных, глобальных по тематике, трудов. В них традиционно упор делается на боевом прошлом казаков. Проблемы хозяйствования, функционирования общины с ее спецификой, социального расслоения казачьего общества, сложности вхождения казаков в капиталистическое хозяйство в этих изданиях, как правило, отсутствуют. К таким изданиям можно отнести работу Р. А. Нелепина «История казачества»², книги В. Глущенко «Казачество», «Казак, что в имени твоём...»³, труды В. Ф. Мамонова «История казачества России», «Гибель русской Вандеи. (Казачество востока России в революции и гражданской войне)»⁴, исследование А. П. Абрамовского и В. С. Кобзова «Оренбургское казачье войско в трех веках»⁵.

К истории развития товарно-денежных отношений и в целом экономики в Оренбургском казачьем войске во второй половине XIX в. обращается оренбургский исследователь Ю. С. Зобов⁶.

В настоящее время отдельные исследователи стали обращать внимание на состояние хозяйственных отношений в казачьих поселениях в дореволюционный период. Данной теме посвятили свои работы молодые челябинские исследователи П. Ф. Назыров⁷ и Т. К. Махрова⁸.

П. Ф. Назыров исследует те изменения в ведении сельского хозяйства казаками Оренбуржья, которые имели место в конце XIX – начале XX в. Автор справедливо отмечает, что прилагаемых усилий со стороны Войскового Правления было явно недостаточно и казаки по-прежнему культивировали непродуктивную залежную форму землепользования.

Т. К. Махрова разбирает в своих статьях земельные отношения в казачьей среде. Говоря о дореволюционном хозяйстве, автор разбирает земельные отно-

¹ История казачества Урала. Оренбург-Челябинск, 1992.

² Нелепин Р. А. История казачества. В 2-х томах. М., 1997.

³ Глущенко В. В. Казачество. СПб, 1998. *Он же.* Казак, что в имени твоём... Краснодар, 1997.

⁴ Мамонов В. Ф. История казачества России. Челябинск, 1995; Гибель русской Вандеи // Казачество востока России в революции и гражданской войне. Челябинск, 1994.

⁵ Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999.

⁶ Зобов Ю. С. Развитие рыночных отношений в среде оренбургского казачества во второй трети XIX века // Оренбургское казачье войско в XVI–XX вв. Оренбург, 1992.

⁷ Назыров П. Ф. Расширение сельскохозяйственных знаний и развитие агрономии в ОКВ в конце XIX – начале XX вв. // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи. Челябинск, 1996.

⁸ Махрова Т. К. Природно-экономический фактор развития экономики ОКВ // Крестьянство и казачество Южного Урала в трех веках. Оренбург, 1996; Казачье хозяйство Оренбургской губернии. Челябинск, 1998; Казачество Урала и власть. М., 2004.

шения в казачьей среде, дает анализ качества используемых в хозяйствах наделных участков. Говоря об изменениях в казачьем обществе под воздействием развивающегося капитализма, она пишет, что решающую роль в адаптации казачества к рынку сыграли два фактора: организационная и материальная помощь со стороны войсковых органов и кооперативное движение, развивавшееся на территории войска в начале XX в. В своей работе «Казачье хозяйство Оренбургской губернии» Т. К. Махрова отмечает, что «общая неразработанность земельного права сыграла свою роль в кризисе экстенсивного хозяйства вообще и в казачьем в частности». Правильным является вывод о том, что предприимчивость казаков была скована регламентацией всех сторон казачьей жизни. В другом своем исследовании «Казачество Урала и власть» автор делает вывод, что проявление казаками предприимчивости объективно способствовало утрате казачеством своих специфических черт как военно-земледельческого сословия.

Глубокими и интересными являются исследования челябинца В. А. Кузнецова, посвященные повседневному быту и службе казаков Оренбуржья. Здесь надо выделить его исследование «Иррегулярные войска Оренбургского края»¹.

Среди других работ, касающихся проблем состояния и развития сельского хозяйства на Южном Урале до революции, можно назвать публикации И. В. Побережникова, И. В. Семенченко, Л. В. Щетихиной, А. Н. Турковского².

Проблемой постановки школьного образования в казачьих районах успешно занимается челябинский ученый А. П. Абрамовский³.

Среди сибирских исследователей тема дореволюционного прошлого казачества также получила в 90-е гг. известное распространение. Начальный период возникновения казачьих поселений на сибирской земле и последующее формирование общин, самого Сибирского войска отражен в капитальном труде Ю. Г. Недбая «История казачества Западной Сибири»⁴. Другой автор, Е. А. Аркин, описал в этнографическом очерке специфику сибирского казачьего быта⁵. Подробный анализ состояния хозяйственных и земельных отношений первых месяцев Советской власти в Западной Сибири предпринят в работе Н. Ф. Иванцовой «Западная Сибирь в 1917 – первой половине 1918 г.»⁶. Автор указывает на факты деформации общинных отношений, подчеркивает, что до революции в Сибири ключевой фигурой был не бедняк, а середняк.

Конкретно хозяйственные и земельные проблемы в Сибирском казачьем войске накануне революции описывает В. А. Шулдяков⁷.

¹ Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара–Челябинск, 2008.

² Побережников И. В. Хозяйство казачества Южного Урала в сер. XIX века // Оренбургское казачество в XVI–XX вв. Оренбург, 1992; Семенченко И. В., Щетихина Л. В. Совершенствование земствами сельскохозяйственного производства на Южном Урале в 1917 г. // Крестьянство и казачество Южного Урала в трех веках. Оренбург, 1996; Турковский А. Н. Жизнь казачьего села бывшего войска оренбургского // Земля и люди. 1992. № 23–27.

³ Абрамовский А. П. Становление и развитие народного образования в ОКВ (1819–1900). ОКВ. Исторические очерк. Челябинск, 1994.

⁴ Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири. Омск, 1996.

⁵ Аркин Е. А. Сибирская казачья станица: Традиции быта, фольклор. Омск, 1996.

⁶ Иванцова Н. Ф. Западная Сибирь в 1917 – перв. пол. 1918. М., 1993.

⁷ Шулдяков В. А. СКВ: Становление, организация, основные противоречия жизни накануне революции. Омск, 1996.

Специальных работ, посвященных казачьей общине до революции (как и после революции), у уральских и сибирских исследователей 90-х гг. практически не было. Но в ряде работ прослеживается желание дать картину общего состояния хозяйства, социальной дифференциации и политических настроений уральского и сибирского казачества как в дореволюционный период, так и в период новой экономической политики. Одним из таких изданий, претендующих на серьезное обобщение перечисленных проблем, является изданная в 1995 г. в Екатеринбурге трехтомная «История казачества азиатской России»¹.

Автор раздела «Социально-экономическое и политическое положение казачества в 20–30-е гг.» Н. Р. Федорина использовала немало документов и архивных материалов, относящихся к данному периоду. Правильным надо считать вывод о том, что «главным фактором для определения мощности казачьего хозяйства был не столько фактор найма рабочей силы, сколько наличие и количество рабочего скота в хозяйстве». Согласно установившейся в советской историографии традиции Н. Р. Федорина считает, что казачьи хозяйства к середине 20-х гг. окрепли и центральной фигурой в поселках становится середняк, что оказывается неверным при тщательном и объективном изучении ситуации, сложившейся в казачьих областях в годы Новой экономической политики. Следует отметить, что автором практически не затронут вопрос казачьей общины, нет анализа деятельности советских органов по подъему и укреплению сельского хозяйства в годы НЭПа.

Говоря об аспектах экономического и социального развития казачьих территорий и эволюции казачьей общины в период первых лет новой экономической политики, мы еще раз должны указать на неизученность данной темы. Специальных работ написано мало, а обобщающих работ нет совсем. Обходят большей частью проблемы жизни казачьего сообщества в 20-е гг. и сибирские авторы публикаций на казачью тему, вышедших в 90-е гг. Среди немногочисленных исследований того времени можно выделить работу А. Колесникова «Продразверстка в Сибири»², где автор, уже на основе присущих середине 90-х гг. подходов, делает вывод, что принудительное изъятие хлеба было прямым ограблением крестьян и казаков, что и породило довольно внушительное движение протеста.

Среди челябинских авторов тема получила несколько большее освещение³.

Наиболее близкими к нашей теме исследования являются публикации оренбуржца В. А. Лабузова⁴, который исследовал состояние крестьянских хозяйств Оренбургского края в период Новой экономической политики. Автор не выделяет казаков из общей массы населения Оренбуржья и рассматривает все сельское население как единое целое. В статьях и работах В. А. Лабузова верным является утверждение, что после отмены продразверстки крестьянские хозяйства Южного Урала начинают идти по пути превращения из потребитель-

¹ История казачества азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. III.

² Колесников А. Продразверстка в Сибири. Омск, 1995.

³ Коваль И. И. Наступление на единоличника-казака: налоговая и социальная политика // Иван Иванович Неплюев и южноуральский край. Челябинск, 1993.

⁴ Лабузов В. А. В годы НЭПа. Сельское хозяйство // История Оренбуржья. Оренбург, 1996.

ских в товарные, но только до 1925–1926 гг., а дальше, начиная с 1927 г., этот процесс стал сворачиваться.

В контексте материала о публикациях на казачью тему в 90-х гг. мы сознательно не затрагиваем многочисленные материалы, направленные на поддержку возрождения казачества. Это не имеет прямого отношения к нашей проблеме. Среди вышедших работ чаще всего рассматриваются вопросы дореволюционной истории казачества и относительно немного трудов посвящено сугубо хозяйственным аспектам жизни казачьего сообщества, а также самой казачьей общине. Публикаций, касающихся периода Новой экономической политики на казачьих территориях, относительно немного в силу уже названных причин.

Источниковая база. Основными источниками исследования стали документы ряда государственных архивов Москвы, Оренбурга, Омска, Уфы, Челябинска, Магнитогорска, Троицка. В работе использованы архивные документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского Государственного архива экономики (РГАЭ).

Эти материалы представлены разнообразной по своему составу документацией: постановлениями советских и партийных органов; протоколами, сводками и отчетами районных исполнительных комитетов (РИК), станисполкомов и сельсоветов; решениями общих сходов и собраний; текущей перепиской и материалами земотделов; инструкциями и распоряжениями местных и центральных органов; анкетными данными членов сельсоветов и посемейными списками плательщиков поземельного налога.

Среди документов значительный интерес представляют протоколы заседаний и отчеты районных исполнительных комитетов и сельских советов. Анализ материалов архивных фондов содержащих данные документы, дает емкую картину состояния сельского хозяйства на казачьих территориях после отмены политики «военного коммунизма». Многочисленные факты подтверждают, что, несмотря на тяготы, связанные с нагрузками на сельского производителя во время двух войн, потенциал казачьего двора существенно понизился только после 1920 г.

Сложность процессов, происходивших в сельском хозяйстве, породила немало трудностей для советских представительных и исполнительных органов во время ликвидации последствий голода и восстановления подорванного хозяйства, что нашло свое отражение в постановлениях соответствующих органов, в протоколах и отчетах с мест, находящихся в Государственном архиве Омской обл. (Ф. р-28, Ф. р-88), Государственном архиве Оренбургской обл. (Ф. р-1), Магнитогорском филиале Объединенного Государственного архива Челябинской обл. (Ф. 27, Ф. 87, Ф. 91), Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 1066). В этих документах прослеживается озабоченность властей состоянием и уровнем сельского хозяйства в районах с казачьим населением. На основании принятых решений и резолюций можно проследить перечень мер, направленных на улучшение сложившегося положения. Отдельные документы дают возможность судить об изменениях, происходивших в результате целенаправленной работы советских властей. Например: списки премируемых за образцовое ведение хозяйства в соответствии с указанием новаторства.

Использовано подробное описание состояния кооперирования в казачьих районах, перечень аспектов деятельности казачьих кооперативов, состав их членов. Необходимо отдельно выделить фонд р-1 ГАОО (Оренбургский Губком ВКП(б) – 1763 ед. хранения), где находится значительное количество документов, раскрывающих положение казачества в 20-е гг. и содержащих разнообразные сведения о хозяйственных и социальных процессах, происходивших в казачьей среде.

Внимание исследователя привлекли документы, опираясь на которые, он смог сделать вывод о сокращении продуктивности и мощности казачьего хозяйства в середине 20-х гг. по сравнению с дореволюционным временем. Это большей частью отчеты райисполкомов в вышестоящие органы. В архивных фондах содержатся сведения о количестве бедняков, середняков и зажиточных хозяев в каждом населенном пункте. Здесь же имеются материалы, позволяющие определить критерии мощности хозяйств.

Наибольший интерес вызвали анкетные листы членов сельсоветов, где в сравнении (1914 г., 1917 г., 1926 г.) указывались сведения по площади посевов, количеству голов рабочего скота и молочных коров. Эти уникальные элементы помогают проследить динамику изменений, происходивших в казачьих хозяйствах, четче определить доминировавшие тенденции в развитии экономических и социальных структур как во время Первой мировой войны, так и в период с 1917 по 1926 гг.

В общей сложности при написании диссертации использованы 65 фондов десяти центральных и местных государственных архивов, многие документы введены в оборот впервые.

Исследованные документы позволяют воссоздать реальную картину процессов и изменений, происходивших в казачьем сельском хозяйстве. Составленные в первой четверти XX в. они еще на себе не несут следов давления вышестоящих органов.

Важное значение при работе над диссертацией имели опубликованные документы и директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. В них отражены задачи, стоявшие перед государством в области сельского хозяйства в описываемый период. Анализ этих документов позволяет воссоздать ту непростую ситуацию, которая сложилась в сельском хозяйстве в первые годы Советской власти.

Особую группу источников составила периодическая печать. Сюда следует отнести выходившие до революции журналы «Южноуральский кооператор», издававшийся в Оренбурге с 1914 г., и «Оренбургское казачье хозяйство», который выпускало войсковое руководство оренбургских казаков в 1909–1914 гг. В Западной Сибири до революции выходили издаваемые в Омске журналы «Сибирский хозяин» (1906–1909 гг.) и «Западная Сибирь» (1918 г.).

В работе в основном использованы местные газеты и журналы 20-х гг. Например, газеты «Степь» и «Степная правда», выходившие в начале 20-х гг. в Оренбуржье, помогли раскрыть атмосферу первых лет Советской власти в самые трудные годы борьбы с голодом и преобразования сельского хозяйства в казачьих районах. В многочисленных публикациях казакам предлагалось вно-

сить новшества в ведение своих хозяйств. В газетах «Красный путь», «Советская правда», «Трудовой набат» и «Красный пахарь» встречаются разнообразные постановления и распоряжения руководящих органов губерний и округов, направленные на выполнение поставленных задач перед земледельцами по сдаче хлеба, статьи о тяжелом положении охваченных засухой районов.

Интересный статистический материал и подробное описание экономического положения уральского региона содержится в выходивших в середине 20-х гг. в Свердловске журналах «Хозяйство Урала» и «Уральское краеведение», ставших естественным продолжением издававшегося до революции журнала «Уральское хозяйство». На страницах журнала проходили дискуссии, в частности, о путях развития кооперативного хозяйства, публиковались рекомендации, статистика и прогнозы перспектив уральского экономического района.

То же самое можно отнести к сибирским изданиям, таким, как «Вестник сибирской сельхозкооперации», «Жизнь Сибири», «Просвещение Сибири» и других.

Следующую группу источников составили материалы статистических сборников и ежегодников. Здесь надо особо отметить ежегодно выходившие до революции отчеты о состоянии казачьих войск (часть гражданская), которые выделяются полнотой описания состояния войскового хозяйства, социальных и демографических изменений, происходивших за отчетный период на территории войск. Среди советских изданий особо следует выделить по насыщенности информацией свердловское издание «Уральское хозяйство в цифрах за 1926 год», вышедший в 1927 г. в Оренбурге статистический сборник «Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии» и «Конъюнктурный обзор народного хозяйства Омской губернии за 1926/1927 гг.».

Объектом настоящего исследования является оренбургское и сибирское казачество с конца XIX в. и до середины 20-х гг. XX в., когда под воздействием рыночных процессов происходили разрушительные процессы внутри казачьей общины, усиливались имущественная и социальная дифференциации в станицах и поселках, а в послереволюционный период шел процесс активного вмешательства Советской власти во внутривоспроизводственную жизнь казаков.

Предметом исследования стали: казачья община, хозяйственная деятельность казаков, социальная дифференциация в казачьей среде в первой четверти XX века, благосостояние казачьих дворов, кооперативное движение и кооперативные объединения того времени, состояние школьного образования на казачьих территориях.

Цель исследования – исследовать с учетом социальной значимости и недостаточной изученности темы те процессы и изменения, которые происходили в казачьих районах Южного Урала и Западной Сибири в первой четверти XX в.

В соответствии с этим автор делает попытку решить в работе следующие **задачи**:

- определить и раскрыть основные признаки функционирования казачьей общины до революции;
- обозначить основные моменты трансформации казачьего общества в до-

революционный период;

- исследовать изменения в хозяйственной деятельности казачества, вызванные революцией и Гражданской войной;

- рассмотреть основные направления работы советских органов в сфере сельского хозяйства в казачьих районах после окончания боевых действий;

- проследить изменения в развитии сельского хозяйства казаков бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск в 1921–1926 гг., выявить объективные и субъективные факторы, повлиявшие на проходившие в то время процессы;

- проанализировать уровень и степень социального расслоения казачьего населения в годы Новой экономической политики, выявить основные тенденции в дифференциации и причины, ее порождающие;

- рассмотреть динамику развития кооперативного движения на казачьих территориях как в дореволюционный период, так и в 20-е гг.;

- выявить основные признаки и причины трансформации казачьей общины в годы новой экономической политики.

Территориальные рамки исследования охватывают земли бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск, в первую очередь те районы, где казачество проживало компактно. Исходя из административного подчинения территорий на 1926 г., в зону исследования вошли Троицкий и Челябинский округа Уральской обл., Омский и Тарский округа Омской губ. и Орский округ Оренбургской губ. Казачье население, правда с меньшим уровнем плотности, проживало и в других округах Западной Сибири и Оренбуржья. Эти территории также входят в зону нашего исследования.

Оренбургское и Сибирское казачьи войска, где проживало казачье население Южного Урала и Западной Сибири, имели примерно одинаковые климатическо-природные условия для проживания и ведения хозяйства, однотипность образования и схожесть основного способа производства, территориальную близость. Будучи соответственно третьим и шестым по населению и занимаемой площади среди казачьих войск, они находились в центре Российской империи, на стыке скотоводческого Казахстана, довольно развитого, в плане сельского хозяйства Сибирского региона, и горнозаводского Урала.

Произошедшие за первые годы Советской власти территориальные переделы привели к тому, что некогда единые территории оказались под разным административным управлением, как это имело место на Южном Урале. Часть территории бывшего Оренбургского казачьего войска вошла в Челябинскую губ., а позже стала составной частью Уральской обл. (Челябинский и Троицкий округа). Орский и Оренбургский уезды оказались включенными в образовавшуюся Киргизскую республику. Это размежевание породило, в свою очередь, известные трудности для сопоставления цифровых показателей и отчетных данных исполнительных органов.

Но, несмотря на различное административное подчинение, для всех бывших войсковых территорий характерны были одни и те же процессы и тенденции в социальной и экономической жизни населения, что дает основание рассматривать бывшие войсковые земли в исследовательском плане как единое

пространство.

Хронологические рамки работы охватывают период с конца XIX в. до середины 20-х гг. XX в. Именно в это время шло интенсивное проникновение новых технологий и отношений в привычный образ жизни казачьей общины, происходила последовательная трансформация ее устоев, несмотря на попытки царского правительства и войсковых администраций противостоять разрушению былого единства казачьего общества. Наиболее интенсивным этот процесс становится на начальном этапе новой экономической политики, когда под воздействием допущенных элементов капиталистической экономики и в результате целенаправленной деятельности советских и земельных органов происходили определенные изменения в экономической и социальных структурах казачьего общества. Середина 20-х гг., как завершающий этап данного исследования, выбран не случайно. К 1926 г. окончательно были преодолены последствия послевоенной разрухи и голода 1921–1922 гг., окрепла финансовая система государства, многие показатели развития сельского хозяйства достигли или приблизились к довоенному уровню. После 1926 г. повсеместно наблюдался отход от ранее провозглашенных рыночных принципов в деревне, наступление на зажиточные слои и частного торговца, по сути началось сворачивание новой экономической политики в сельском хозяйстве. Для последующего периода характерными становятся другие процессы и отношения, которые должны стать темой отдельного исследования, ибо они имели другое содержание, отличное от тенденций 1921–1926 гг.

Данный период довольно плотно насыщен статистическим материалом, что дало возможность активно включить в работу результаты всеобщих переписей населения 1897 и 1926 гг., позволивших провести сравнительный анализ и выявить динамику эволюции казачьих районов Южного Урала и Западной Сибири в обозначенный отрезок времени.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- На местных материалах комплексному анализу подверглись в качестве самостоятельной проблемы особенности модернизационного процесса в казачьей среде, его сложности и отличие от аналогичных изменений крестьянского общества.

- В диссертации впервые проведено исследование формирования, развития и эволюции казачьей сельской общины, где выявлены основные специфичные признаки общины, присущий ей способ ведения хозяйства, внутреннюю структуру.

- В диссертации рассматривается состояние казачьей общины к середине 20-х гг. XX в., внутренняя ее трансформация, утрата отдельных, присущих традиционному казачьему сообществу, характерных признаков.

- Дается анализ изменений в хозяйственной деятельности казаков в описываемый период и социально-экономических последствий произошедших изменений, дается характеристика деятельности советских органов на местах в годы Гражданской войны и по реализации ими новой экономической политики в районах с компактным проживанием казачества.

- Новым является подход автора к определению социального и экономиче-

ского положения казачества в годы новой экономической политики.

– В отличие от официально принятой в советское время позиции об осереднячивании доколхозной деревни, автор показывает, что в казачьих районах в середине 20-х гг. шло устойчивое снижение уровня благосостояния казачьих дворов по сравнению с дореволюционным периодом.

– В ходе исследования подтверждены или опровергнуты отдельные положения предшественников, выдвигавшиеся по ряду вопросов, в том числе и определившие уровень вовлечения казачьего населения в новую экономическую политику.

– В научный оборот вводится значительное количество ранее не использованных документов и архивных материалов.

Методологическая основа диссертации. Обновление исторического знания в мировой науке в целом и в отечественной историографии, в частности, выражается сегодня в перемещении центра тяжести с изучения проблем политической, социально-экономической истории на историю демографическую, проблем культуры эмоциональной жизни. Стремительно расширяется исследовательское пространство исторической жизни, вводится в научный оборот эмпирический материал.

Современная история России, включая ее региональные компоненты, является составной частью всемирной истории. Раньше советская историография стояла на жестко детерминированных классовых принципах. Сегодня принцип множественности становится доминирующим, что позволяет исследователям соединять в своей работе разнообразные методики и теории.

Гносеология как теория научного познания включает систему научных методов, принципов и технологий исторических исследований. В силу этого в основу работы положен комплекс методов исследования разных сторон жизнедеятельности казачьих сообществ.

Использование различных приемов социальных и гуманитарных наук позволяет комбинировать социологические, системно структурные подходы и методы исследования исторического материала. Контакты с социальными и гуманитарными науками не только расширяют, но и дают возможности проникать в ранее закрытые для истории зоны знания, использовать новые методы, соответствовать запросам и вызовам своего времени.

Историзм предполагает не только изучение явлений в их хронологической, последовательности, но и в установлении причинно-следственных связей, между различными явлениями и процессами. Принцип историзма позволил рассмотреть казачье хозяйство с точки зрения: а) внутренней структуры, причем не как механическое соединение отдельных звеньев, а как систему; б) исторического процесса, то есть следующих друг за другом во времени исторических связей и зависимостей; в) выявление количественных и качественных изменений; г) раскрытие закономерностей их развития. Принцип историзма предполагает рассмотрение любого явления или события в его развитии и взаимосвязи, взаимообусловленности с другими явлениями и событиями. Именно с этих позиций автор стремился подойти к освещению поставленных задач.

В схематизированном виде научный подход к анализу развития казачьих

хозяйств включает: условия и факторы функционирования общины как производящей структуры; систему объективных и субъективных регуляторов, которые определяли и направляли процесс аграрного развития; производство как основную составляющую казачьих хозяйств.

Характеристика казачьих хозяйств дана на основе поиска и применения единых признаков и показателей. На основе статистических данных проведено выделение организационно-производственных и социальных признаков. Исследование отдельных хозяйств строилось на применении методики перехода от частного к общему. Выявление общих показателей, сопоставление данных региональной статистики с всероссийскими показателями дало возможность точнее и детальнее учесть все особенности местного и регионального уровня.

Обработка и анализ статистических данных проведены с использованием средних величин, группировок, построения временных и динамичных рядов. Накопленный банк данных по производству основных видов сельхозпродукции, по бюджетам, по развитию кооперации и рыночной торговли, движения цен позволили воссоздать целостную картину развития казачьих хозяйств всех социальных групп, попавших в полосу исследования.

Для углубления исследования применен структурно-типологический метод с использованием таблиц. По возможности выбор признаков унифицировался. Основные показатели производства даны в расчете на одну семью. В зависимости от признаков устанавливались интервалы статистических данных. Основным расчетным показателем для сквозного ретроспективного анализа эволюции казачьих хозяйств взята валовая продукция в физических объемах.

Неотъемлемой составляющей методологии является комплексный анализ. Это связано с необходимостью учитывать всестороннюю связь герменевтики источников с особенностями человека изучаемого времени как социокультурного феномена, его системы ценностей, исторических особенностей мышления. Данный подход позволяет сделать всесторонний анализ процессов, происходящих в разрушавшейся казачьей общине, ибо изменение традиционного способа производства повлекло за собой изменения в социальной структуре и ментальности казачьего сообщества.

При работе над диссертацией использовались традиционные для исторической науки методы: конкретно-исторический, позволивший изучить проблему в тесной связи с исторической обстановкой избранного периода, сравнить его с предыдущим отрезком времени; метод конкретного анализа, позволивший выявить причины, породившие известные события и выявить новые проблемы; метод логического анализа, позволившего обобщить события, происходившие в изучаемом регионе с событиями, происходившими в целом в стране.

В работе применялись общезначимые логические методы и процедуры познания: индукция и дедукция, анализ и синтез, аналогия, анализ статистического материала, изучение документов.

Теоретическая значимость заключается в использовании материалов диссертационного исследования в исследовании темы типо-логизации казачьих сообществ, определение перспектив научных исследований по социальной истории казачества.

Практическое применение. Выводы диссертационного исследования могут быть использованы для разработки учебных курсов краеведения, спецкурсов, семинаров, а также при написании обобщающих работ по истории Урала и Сибири. Кроме того, особенность ведения казаками своего хозяйства в зонах рискованного земледелия может стать предметом внимания для специалистов сельского хозяйства различных уровней.

Апробация работы. Результаты научного исследования прошли практическую проверку в ходе чтения лекций и практических занятий со студентами Магнитогорской государственной консерватории и Магнитогорского государственного университета.

Материалы диссертации являлись основой выступления автора на международных, всероссийских и региональных научно-технических конференциях, посвященных казачеству Оренбургского края XVI–XX вв. (Оренбург, 1992), основанию Оренбурга (Оренбург, 1993), итогам вузовской научно-исследовательской работы МГПИ (1992, 1993, 1994, 1995, 1996, 1997), 300-летию со дня рождения И. И. Неплюева (Челябинск, 1993), социально-экономическим проблемам сельского хозяйства уральского региона (Екатеринбург, 1994), взаимоотношениям России и Востока (Челябинск, 1995), проблемам возрождения казачества (Ростов-на-Дону, 1995), военным проблемам отечественной истории (Екатеринбург, 2006), культурному наследию народов Южного Урала (Магнитогорск, 2008). Материалы исследования используются в учебном курсе по политической истории России, авторском спецкурсе по истории казачества Южного Урала. Содержание диссертации отражено в двух монографиях и других научных публикациях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснованы актуальность и научная значимость темы исследования, показана степень изученности проблемы, проанализирована источниковая база определены хронологические и территориальные рамки исследования, сформулированы основные цели и задачи, дана характеристика объекта, предмета исследования, определены методология, методы, теоретические основы, научная новизна и практическая значимость диссертации, а также анализ историографии публикаций по казачьей тематике.

В **первой главе «ОРЕНБУРГСКОЕ И СИБИРСКОЕ КАЗАЧЬИ ВОЙСКА В КОНЦЕ XIX в. – НАЧАЛЕ XX в.»** автор рассматривает вопросы внутреннего устройства казачьих войск, их специфичность как в несении военной службы, так и бытовых особенностей казачьего сословия. Отличительной чертой казаков и предметом их гордости являлось самоуправление на казачьих территориях. Казаки имели независимые от государства, подчиненные только войсковому управлению органы местной власти – станичные и поселковые. Они имели станичные капиталы и право распоряжаться ими, что в значитель-

ной степени определяло основу независимости казачества.

Казачьи общины заметно отличались от крестьянских: имелись особенности в ведении хозяйства, внутреннем устройстве, традициях и обычаях. Казачья община не представляла собой раз и навсегда данный тип отношений – она постоянно трансформировалась в соответствии с реалиями эпохи и к концу XIX – началу XX в. существенно отличалась от первых казачьих обществ, возникших на базе военных отрядов.

Обобщая и анализируя основные характеристики и признаки казачьей общины автор показывает, что основу ее существования составляли: общественный земельный фонд; имущественное уравнивание внутри общин; особое отбывание воинской повинности, что, в известной мере, цементировало общину; привилегии, право на которые надо было оправдывать сообща; однотипность и консервативность ведения хозяйства, что само по себе мешало выделению наиболее хозяйственных казаков и сковывало их предпринимательскую инициативу; взаимовыручка и определенная степень социальной защиты отдельных станичников со стороны станичного общества; внутриобщинная замкнутость, вызывавшая известную изоляцию казачества от остальных слоев населения; обязательная подчиненность решениям войскового правления; экономическая защита войскового населения в виде общественных запасов, хлебных магазинов и войсковых запасных земель; довольно высокий уровень самоуправления.

Строгая правовая регламентация внутренней жизни общины, ее зависимость от государства преследовали цель – поддержать и упрочить общину, с ее помощью сохранить казачество как сословие.

Во *второй главе «КАЗАЧЕСТВО ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»* рассматривается экономическое и социальное положение казачества в годы Первой мировой войны и в первые годы установления советской власти.

Изменения, происходившие под давлением развивающегося капитализма, неизбежно должны были коснуться и казачьего хозяйства, несмотря на то, что сопротивляемость к переменам в казачьей общине была сильнее, чем в крестьянской. Развитие товарного производства порождало в войсковой среде различные типы рыночных отношений, разлагавших изнутри общину, и особую роль здесь сыграла кооперация. Кооперативные общества приобщали казаков к рынку исподволь и без особого ущерба для самого производителя сельскохозяйственной продукции. Кооперация способствовала дальнейшей дифференциации казаков по имущественному признаку, поддерживала и усиливала крепкие хозяйства, втягивала их дальше в систему товарно-денежных отношений, стимулировала предпринимательство.

Российский капитализм, сделавший к началу XX в. значительные шаги в промышленности, натолкнулся на сопротивление сельской общины. Не вовлеченные в развитое товарное производство богатейшие залежные черноземы казачьих территорий и отсталая система землепользования сдерживали потенциальные возможности местных предпринимателей. Поэтому вопрос разрушения общины был всего лишь вопросом времени.

Довольно стабильный уровень жизни казачьего населения поддерживался в основном за счет больших земельных наделов. Реальная урожайность в казачьих хозяйствах была ниже, чем в среднем у земледельцев-крестьян, что не могло не вызвать беспокойства у правительства и войсковой администрации. Но спускаемые сверху указы и решения не получили должной поддержки в казачьей среде, так как социальные и экономические предпосылки для предлагаемых изменений еще не созрели, и повсеместно господствовавший способ производства был экономически выгоден казакам. Высокие цены на мясо и традиционные зерновые культуры, значительные земельные наделы в условиях развивавшегося рынка придавали некоторую устойчивость казачьим дворам. Даже маломощные казачьи хозяйства значительно отличались от крестьянских, к тому же их в войсковой среде было меньше, чем среди крестьян.

Начавшаяся Первая мировая война, а впоследствии и Гражданская, подорвали казачьи хозяйства. Установление в октябре 1917 г. Советской власти и первые принятые ею решения нанесли серьезный удар по казачеству: были предприняты серьезные усилия по уничтожению деления общества на сословия, что ликвидировало особое положение казачества как в военнополитическом плане, так и в экономическом.

Но неправильным было бы отождествлять понятия «казачье сословие» и «казачье население», так как этнические особенности казаков, включавшие в себя традиции, быт, образ жизни, мировоззрение, культуру и способ ведения хозяйства остались. Отличия казаков от остального населения должны были сохраниться, покуда существовала казачья община, а также люди, выросшие в атмосфере общинных отношений и продолжавшие жить после отмены социальных различий. Постепенная трансформация общины в сторону отмирания неизбежно вела к утрате специфики казачьего образа жизни, базировавшегося на определенном способе производства и соответствующем ему типе производственных отношений, к естественной ассимиляции казачества среди остального населения. После разрушения общинных связей зажиточное казачье хозяйство должно было эволюционировать в фермерские, ибо его экономический потенциал, основанный на владении значительным земельным наделом и сельхозтехникой, был достаточно велик.

Введение Новой экономической политики было настороженно встречено в казачьей среде, ибо и в этот раз, хотя они и отвечали объективно потребностям развития, реформы были спущены сверху и в народном сознании понимались как выгодные, в первую очередь, властям. Власть, взятая силой и державшаяся на силе, вызывала больше опасения, чем доверия: НЭП рассматривался зачастую как новая уловка большевиков, направленная на очередное изъятие хлеба у крестьянства.

Казачество, на долю которого выпали небывалые для бывшего сословия испытания, имело меньший иммунитет к их преодолению, чем привычное к поборам и постоянной борьбе с трудностями крестьянство.

Процесс возрождения сельского хозяйства после окончания Гражданской войны был подорван голодом 1921–1922 гг., охватившем обширные районы южной полосы черноземов страны и затронувшим земли оренбургских и си-

бирских казаков. На советские органы легла тяжелейшая в тех условиях работа по преодолению голода и его последствий, а также подготовка посевной кампании в условиях нехватки семенных материалов и рабочего скота. Не только засуха была причиной голода: очевиден вывод, что кроме объективных причин голода неизбежно были задействованы и субъективные факторы, заметно усугубившие ситуацию, в частности, обирание казаков с помощью нереального по своим размерам в той обстановке продналога, направленность социальной политики.

Третья глава диссертации — «ПРОВЕДЕНИЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА КАЗАЧЬИХ ТЕРРИТОРИЯХ».

В этой главе анализируются объективные процессы, приведшие к изменениям в ведении хозяйства у казаков, дается оценка деятельности советских властей по восстановлению и укреплению сельского хозяйства края.

Голод 1921–1922 гг. явился мощным стимулом, способствовавшим пересмотру отношения казачества к ведению своего хозяйства, ибо в немалой степени одной из причин голода была экстенсивность казачьего хозяйства, его неразвитость и отсталость. Теперь целенаправленная политика советских властей все чаще смыкается со встречным желанием казаков изменить привычную систему земледелия, повышать продуктивность животноводства. Только в повышении товарной отдачи хозяйств, а не в регулярной помощи со стороны государства, прослеживалась возможность избежать новых неурожаев и их губительных последствий.

Казачество вступало в новый этап своей истории, уже не как воинское сословие, а как приравненная к крестьянству группа сельских производителей, сохранявшая часть своих специфичных особенностей быта и приемов ведения хозяйства.

Главной задачей местной администрации была не регулярная, зачастую без дальнейшей отдачи, помощь маломощным хозяйствам, а активная пропаганда прогрессивных методов ведения хозяйства. Архивные материалы свидетельствуют, что в середине 20-х гг. в казачьих хозяйствах все чаще применяются передовые методы выращивания зерновых, активнее и масштабнее развивается садоводство, бахчеводство и огородничество. Это развитие имело место не только для удовлетворения личных потребностей, но и конкретно с целью производства товарной продукции, что еще раз подтверждает тенденцию у рыночной ориентации хозяйств.

Анализируя документы, можно заключить, что в первой половине 20-х гг. основные усилия советских органов на местах были направлены на подъем и укрепление мелкотоварного единоличного хозяйства, на внедрение в традиционное казачье земледелие новых приемов агрономии, на обновление и улучшение технической базы. Но появившиеся изменения к лучшему больше носили тенденциозный характер, чем массового явления, что можно объяснить усилением традиций общинного хозяйства и непоследовательной политики Советской власти по отношению к единоличному производителю, применение налогового и идеологического прессы в отношении зажиточных слоев населения, являвшихся на деле основными производителями товарной продукции.

Большевистское государство стремилось максимально расширить сеть коллективных объединений. Многие коммуны изначально задумывались как образцово-показательные хозяйства, целью создания которых должна была служить пропаганда социалистического образа жизни и хозяйствования, создание новой формы производственных отношений. Государство через земельные органы вкладывало в коммуны капитал и тем самым экономически их контролировало, что на деле означало и административный контроль.

Подводя итоги первым попыткам создания коллективных трудовых объединений на базе общественной собственности на орудие труда и средства производства, надо отметить, что в целом задача не была выполнена на уровне задуманного. Отсюда прослеживаются следующие выводы:

- бедняки, составлявшие основной состав колхозов, коммун и совхозов, не получили желаемого: экономической защиты в условиях развивающегося рынка и повышения благосостояния своих семей;

- новые производственные отношения возникали не на базе предполагаемой сознательности в отношении к коллективному труду и коллективной собственности, а при ее отсутствии. Возникнуть и сформироваться за столь короткий срок она не могла, а принудительного вступления в колхозы местные власти, не получившие соответствующих установок, пока еще не практиковали;

- вместо желательного подхода «общественное – значит мое», доминировал противоположный принцип «общественное — значит ничье»;

- отчужденность от прямого получения результатов своего труда с правом самовольного распоряжения, отсутствие апробированных критериев определения трудового участия и получения соответствующей доли при распределении порождали пассивность и апатию, безответственность и разгильдяйство;

- не было четкого представления об оптимальной форме объединений. Отсюда вычурность и разночтения в формах организации и функционирования коллективных хозяйств;

- в то же время объединения сельскохозяйственных производителей на базе отсутствия частной собственности и их выборные руководящие органы были в известной степени скованы в своих инициативах рассылаемыми из центра циркулярами;

- не давала встать на ноги и выполнить поставленные задачи недостаточность материальной базы первых колхозов. Государство еще не было готово поддержать в необходимой мере на техническом и финансовом уровне эти объединения, а без механизации любой подобный эксперимент был изначально обречен на неудачу;

- не был заранее подготовлен штат организаторов и руководителей производственным процессом (агрономов, техников, бухгалтеров и т. д.), без которых невозможно было продуктивное функционирование объединенных сельскохозяйственных предприятий;

- колхозы не стали и не могли стать массовым явлением в начальный период новой экономической политики потому, что у населения имелись альтернативные варианты повышения благосостояния своих хозяйств — различные формы кооперации, промыслы, а также возможность использования таких ат-

рибутов рыночной экономики, как аренда и найм;

- свою главную задачу по обеспечению государства дешевым сельскохозяйственным продуктом коллективные хозяйства не выполнили – больше порождали долги по обязательным заготовкам и невозвращенным кредитам;

- они в известной степени тормозили развивающиеся и тоже поощряемые государством рыночные отношения в сельском хозяйстве;

- для местных советских органов, выполнявших указания сверху, создание первых колхозов и руководство ими явилось своеобразной школой накопления опыта для последующей кампании по массовой полунасильственной коллективизации крестьянских (казачьих) хозяйств;

- государство пришло к выводу, что принцип добровольности участия в колхозах, а также их постоянная поддержка на уровне финансовой помощи и списания долгов, не приносит желаемых результатов и что надо, тщательно проанализировав ситуацию, в корне менять подход в осуществлении стратегической линии;

- у середняцких и зажиточных слоев, на примере существовавших коммун и колхозов, все больше укреплялось устойчивое желание ни в какие подобные объединения ни при каких условиях не вступать, что породило впоследствии известные трудности при организации кампании по массовой коллективизации крестьянских (казачьих) хозяйств.

В четвертой главе – «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАЧЬЕЙ СРЕДЕ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ НЭПа» – разбираются аспекты изменений в агрокультуре и традиционных приемах ведения хозяйства, кооперативное движение на землях бывших ОКВ и СКВ, социальная дифференциация в казачьем обществе в годы Новой экономической политики.

Кооперативное движение в период НЭПа контролировалось и направлялось государством, ибо по замыслу, именно через кооперацию крестьянин должен был прийти к коллективному ведению хозяйства. Но несмотря на определенные усилия местных властей по пропаганде и поддержке коллективных производственных объединений, личная заинтересованность производителя приносила более высокие результаты.

По-прежнему в 1926 г. преобладающим являлось мелкотоварное производство со слабо развитыми элементами рыночных отношений. Носившая классовый характер налоговая политика, заключающаяся в усиленном налогообложении казачьих хозяйств, применявших наемный труд и бравших в аренду землю, привела к замедлению темпов роста посевных площадей и поголовья скота у зажиточных казаков. Сокращение посевов товарных групп населения привело к падению валового производства хлеба.

Рассматривая изменения, происходившие в казачьих хозяйствах в годы новой экономической политики, можно сделать вывод, что для них были характерны те же процессы, что протекали в крестьянских хозяйствах страны: развитие рыночных структур, возрастание товарности хозяйств, развитие различных форм кооперации, изменение приемов агрокультуры, социальное размежевание. Но если по данным советской статистики в деревне в тот период наблюдался рост и укрепление середняцких хозяйств, составлявших по установив-

шейся шкале подсчетов арифметическое большинство, а крестьянские хозяйства в целом улучшили свое материальное положение по сравнению с 1917 г, что приписывалось как заслуга Советской власти и ее новой экономической политики, то в казачьих районах бывших ОВК и СКВ при изучении архивных материалов мы обнаруживаем снижение уровня жизни казаков и экономического потенциала их хозяйств. Не подвергается сомнению сама тенденция к осереднячиванию сельского населения в 1923–1926 гг., ибо она объективно прослеживается как в крестьянских, так и в казачьих поселениях. Но официальные цифры явно завышены в определении количества середняцких хозяйств, а количество маломощных хозяйств занижено. Если рассматривать такой показатель как обеспеченность рабочим скотом, то мы увидим, что многие середняцкие хозяйства, обозначенные таковыми по официальной статистике, окажутся ниже уровня, который имело бедняцкое хозяйство до революции. Снижение материального благополучия казачьих хозяйств в описываемый период новой экономической политики принимает устойчивую тенденцию.

В *пятой главе* – «РАЗЛОЖЕНИЕ КАЗАЧЬЕЙ ОБЩИНЫ В УСЛОВИЯХ НЭПа» – рассматривается эволюция и трансформация казачьей общины в первой половине 20-х гг.

К началу коллективизации уже не прослеживаются характерные признаки казачьей общины, потому что в охватившем общество преобразовательном процессе разрушились основы ее существования. Традиционная для казаков община, применявшая, в основном, экстенсивные приемы ведения хозяйства, но в то же время сохранявшая самостоятельность в решении внутренних вопросов, не вписывалась в экономическую и политическую систему Советской власти.

Разрушение общинных рамок позволило активнее внедрять новые приемы агрокультуры в казачьих хозяйствах. Стала меняться сама общинная психология: в новых условиях, лишенные былой социальной защиты в лице общины, казаки самостоятельно решали теперь проблемы повышения товарной отдачи хозяйств, шире занимались побочными промыслами, стараясь укрепиться и продержаться в русле рыночных отношений. Правда, защитный механизм общины не мог разрушиться сразу, община пыталась сохранить, в первую очередь, опробованные традиционные приемы ведения хозяйства, не раз помогавшие общинникам в критических ситуациях. Разрушение общины в целом не вызвало серьезных сожалений и эмоций в казачьей среде.

В *Заключении* диссертации подведены итоги исследования, сделаны следующие выводы:

- в начале XX в. идет активный процесс реформирования национальной экономики и социальной структуры Российского общества. Причем, специфика процессов и направлений трансформации российского общества с начала века до 1917 г. существенно отличается от последующих преобразований большевиков;

- в начале века под воздействием развивающихся рыночных отношений в традиционной казачьей общине происходили необратимые процессы, разрушающие изнутри саму общину как материальную основу существования воен-

ного казачьего сословия;

– если в целом в крестьянском секторе экономики России реформирование навязывалось сверху и стимулировалось со стороны государства (стольпинские реформы), то в казачьей среде Войсковые Правления старались сдерживать разрушительные процессы, стремясь внедрить новые, более продуктивные технологии, применение которых неизбежно усилило бы материальное неравенство казаков, и, в то же время, они же старались сохранить внутреннюю структуру общины;

– главным тормозом на пути развития производственных сил на территории казачьих войск являлась, в первую очередь, казачья община с присущей ей системой производственных отношений;

– сложность переходного периода породила непоследовательность и противоречивость имевших место изменений на территориях, где проживало казачье население, и главным признаком этих изменений было снижение продуктивности хозяйств и валового производства сельхозпродуктов;

– ставка на бедняка, которому искусственно улучшили стартовые условия, вовлекали в коллективные формы хозяйствования, оказалась несостоятельной — государству нужна была, в первую очередь, товарная продукция села, а хлеб имелся в тот период у середняцких и зажиточных слоев;

– под воздействием развития рынка и в результате реализации декретов Советской власти разрушались основы общинного ведения хозяйства. Всегда отличавшиеся стабильным благополучием казачьи станицы обеднели к середине 20-х гг. Значительно уменьшилось число как зажиточных, так и середняцких дворов. В последующую коллективизацию были вовлечены в основном хозяйства, которые по дореволюционным критериям определялись как бедняцкие.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Каминский Ф.А. Формирование и функционирование казачьей общины на территории Оренбургского и Сибирского казачьих войск // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.: Институт археологии РАН, 2001. – Вып. 11. – С. 308–318 (1 п.л.).
2. Каминский Ф.А. Народное образование в Оренбургском казачьем войске // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.: Институт археологии РАН, 2003. – Вып. 13. – С. 357–366 (1 п.л.).
3. Каминский Ф.А. Трансформация казачьей общины и изменения в традиционном способе производства у казаков в годы НЭПа // Вестник ЮуРГУ. Социология, политология, история. – Челябинск, 2005. – Вып. 4. – С. 52–55 (0,8 п.л.).
4. Каминский Ф.А. Башкиро-мещерякское войско в конце XVIII – 60-х годах XIX века // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.: Институт археологии РАН, 2008. – Вып. XX. – С. 32–39 (0,8 п.л.).

5. *Каминский Ф.А.* Казачество как специфическое явление Отечественной истории // Социально-экономические явления и процессы. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. университета. Вып. 5. – С. 141–146 (0,6 п.л.).
6. *Каминский Ф.А., Макарова Н.Н.* Оренбургское казачество в XVIII–XIX вв. // Социально-экономические явления и процессы. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. университета. Вып. 5. – С. 146–151 (0,6 п.л.).
7. *Каминский Ф.А.* Казачество Южного Урала и Западной Сибири во второй половине XIX века // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.: Институт археологии РАН, 2010. – Вып. II. – С. 96–108 (1,3 п.л.).

Монографии:

1. *Каминский Ф.А.* Оренбургское казачество в первые годы Советской власти. – Магнитогорск: Изд-во «Минитип», 1996. – 150 с. (9,3 п.л.).
2. *Каминский Ф.А.* Казачество Южного Урала и Западной Сибири в первой четверти XX в. – Магнитогорск: Изд-во «Минитип», 2001. – 334 (20,5 п.л.).

Другие публикации:

1. *Каминский Ф.А.* Некоторые новые тенденции в развитии казачьего хозяйства в Оренбуржье в годы НЭПа // Оренбургское казачество в XIX–XX вв. – Оренбург, 1992. – С. 44–46 (0,2 п.л.).
2. *Каминский Ф.А.* Развитие казачьего хозяйства в годы НЭПа // Наука – школе: Тез. докл. XXX науч. конфер. – Магнитогорск: Изд-во МГПИ, 1992. – С. 53–54 (0,2 п.л.).
3. *Каминский Ф.А.* Деятельность советских органов Оренбуржья по развитию сельского хозяйства в годы новой экономической политики // Программы и мат-лы науч. конфер. – Оренбург, 1993. – С. 40–41 (0,2 п.л.).
4. *Каминский Ф.А.* Избы-читальни в казачьих районах Челябинской области (на примере Кизильского района) // Иван Иванович Неплюев и южноуральский край. – Челябинск, 1993. – С. 126–128 (0,2 п.л.).
5. *Каминский Ф.А.* Социально-экономическое положение оренбургского казачества в годы НЭПа // Социально-экономические проблемы аграрной реформы. – Екатеринбург, 1994. – С. 146–149 (0,2 п.л.).
6. *Каминский Ф.А.* Разложение казачьей общины на Южном Урале в условиях НЭПа // Наука–ВУЗ–Школа. Тез. докл. XXXI науч. конфер. – Магнитогорск: Изд-во МГПИ, 1993. – С. 80–82 (0,2 п.л.).
7. *Каминский Ф.А.* Хозяйство оренбургских казаков в годы новой экономической политики // Оренбургское казачье войско. Историч. очерки. – Челябинск, 1994. – С. 136–153 (1 п.л.).
8. *Каминский Ф.А.* Казачья сельская община // Возрождение казачества. – Ростов/н/Д., 1995. – С. 94–96 (0,2 п.л.).
9. *Каминский Ф.А.* Социальная дифференциация оренбургского казачества в годы новой экономической политики // Россия и Восток. – Челябинск, 1995. – С. 132–135 (0,2 п.л.).
10. *Каминский Ф.А.* Развитие культуры и народного образования на Южном

Урале в годы Новой экономической политики // Наука и школа. Тез. докл. XXXIII науч. конфер. – Магнитогорск: Изд-во МГПИ, 1995. – С. 84–86 (0,2 п.л.).

11. Каминский Ф.А. К вопросу о возрождении казачества // Современная наука и совершенствование учебно-воспитательного процесса в вузе и школе. – Магнитогорск: Изд-во МГПИ, 1996. – С. 66–67 (0,2 п.л.).

12. Каминский Ф.А. Голод 1921–1922 гг. в казачьих районах Южного Урала // История, Философия. Филология. Сб. науч. тр. – СПб: Изд-во «Нестор», 1996. – С. 3–5 (0,2 п.л.).

13. Каминский Ф.А. Казачья община в первой четверти XX в.: структура, сущность, тенденции развития // Социология. Филология. История. Сб. науч. ст. – СПб: Изд-во «Нестор», 1997. – С. 12–18 (0,6 п.л.).

14. Каминский Ф.А. Российская колонизация в XVI–XX вв. Учеб. пос. – Магнитогорск: Изд-во МаГК, 1997. – 24 с. (1,2 п.л.).

15. Каминский Ф.А. Российское казачество. Учеб. пос. – Магнитогорск: Изд-во МаГК, 1997. – 17 с. (1 п.л.).

16. Каминский Ф.А. Российские бунты. Учеб. пос. – Магнитогорск: Изд-во МаГК, 1997. – 17 с. (1,2 п.л.).

17. Каминский Ф.А. Развитие кооперативного движения и коллективных форм ведения хозяйства в казачьих районах Южного Урала в годы НЭПа // История. Филология. Педагогика. Сб. науч. ст. – СПб: Изд-во «Нестор», 1998. – С. 30–40 (0,8 п.л.).

18. Каминский Ф.А. Состояние хозяйства и социальная дифференциация оренбургских казаков накануне 1917 г. // Гуманитарные и социальные науки. Межвуз. сб. науч. тр. – Магнитогорск: Изд-во МГМИ, 1998. – С. 51–58 (0,6 п.л.).

19. Каминский Ф.А. Разложение казачьей общины и социальная дифференциация казачества в годы новой экономической политики // Наука на рубеже веков. Сб. ст. – СПб, 1999. – С. 36–41 (0,6 п.л.).

20. Каминский Ф.А. Переломные моменты в истории Российского государства. – Магнитогорск: Изд-во МаГК, 2000. – 18 с. (1,2 п.л.).

21. Каминский Ф.А. Внутренняя политика Российской империи // Современные проблемы науки и образования. Тез. XXXV науч. конфер. – Магнитогорск: Изд-во МГПИ, 1997. – С. 18–20 (0,2 п.л.).

22. Каминский Ф.А. Казачьи хозяйства Западной Сибири и Южного Урала накануне 1917 г. // История. Филология. Педагогика. Сб. науч. ст. – СПб: Изд-во «Нестор», 2000. – С. 24–33 (0,8 п.л.).

23. Каминский Ф.А. Школы и избы-читальни в казачьих районах Южного Урала и Западной Сибири как центры духовной жизни села первой четверти XX в. // Гуманитарные и социальные науки. Межвуз. сб. науч. тр. – Магнитогорск: Изд-во МГТУ, 2000. – С. 225–230 (0,6 п.л.).

24. Каминский Ф.А. Развитие школьного образования и культуры в Оренбургском казачьем войске в первой четверти XX в. // Вестник МаГК. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2000. – С. 68–86 (1,1 п.л.).

25. Каминский Ф.А. Оренбургское и Сибирское казачество перед Первой мировой войной // Проблемы российской истории: источники, методология, исто-

- риография. Сб. науч. ст. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2002. – Вып. 1. – С. 114–134 (1,5 п.л.).
26. *Каминский Ф.А.* Оренбургское и Сибирское казачество в начале XX в. (до 1917 г.) // Проблемы российской истории: источники, методология, историография. Сб. науч. ст. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – Вып. 2. – С. 57–170 (1,1 п.л.).
27. *Каминский Ф.А.* Эволюция казачьего хозяйства в первой четверти XX в. // Межвуз. сб. науч. тр. – Магнитогорск: Изд-во МГТУ, 2005. – Вып. 4. – С. 102–110 (0,6 п.л.).
28. *Каминский Ф.А.* Лекции по Отечественной истории. – Магнитогорск: Изд-во МаГК, 2005. – 144 с. (9,1 п.л.).
29. *Каминский Ф.А.* Изменение в структуре самоуправления казачьего общества у оренбургских казаков к середине 20-х годов XX века // Межвуз. сб. науч. статей, материалов и воспоминаний. – Магнитогорск: Изд-во МаГК, 2006. – С. 130–141 (0,6 п.л.).
30. *Каминский Ф.А.* О некоторых особенностях материальной и духовной жизни казаков Южного Урала // Краеведение и художественная культура Урала: творчество, исполнительство, образование. Материалы междунар. практ. конф. – Магнитогорск: Изд-во МаГК, 2008. – С. 84–96 (0,8 п.л.).
31. *Каминский Ф.А.* История казачества Южного Урала и Западной Сибири. Учебно-методическое пособие. – Магнитогорск: Изд-во МаГК, 2009. – 62 с. (3 п.л.).